

Цена 40 коп.

ГОССТРАХ

*заключает договоры
личного страхования
на различные сроки
и страховые суммы*

НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫМИ ВИДАМИ СТРАХОВАНИЯ ЯВЛЯЮТСЯ СМЕШАННОЕ СТРАХОВАНИЕ ЖИЗНИ И СТРАХОВАНИЕ ОТ НЕСЧАСТНЫХ СЛУЧАЕВ.

На смешанное страхование принимаются лица в возрасте от 16 до 60 лет на срок 5, 10, 15 и 20 лет, а на страхование от несчастных случаев — в возрасте от 16 до 70 лет на срок от 1 года до 5 лет.

По договорам личного страхования Госстрах выплачивает страховую сумму самому застрахованному или его семье.

ДЛЯ БОЛЕЕ ПОДРОБНОГО ОЗНАКОМЛЕНИЯ С УСЛОВИЯМИ СТРАХОВАНИЯ И ЗАКЛЮЧЕНИЯ ДОГОВОРА ОБРАЩАЙТЕСЬ В ИНСПЕКЦИЮ ИЛИ К АГЕНТУ ГОССТРАХА.

Главное управление
государственного страхования РСФСР

БИБЛИОТЕКА

ОГОНЁК

№ 47

1959

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ПРАВДА»
МОСКВА

ЛИРИКА

БИБЛИОТЕКА «ОГОНЕК» № 47

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

ЛИРИКА

СТИХИ

Издательство «ПРАВДА»
Москва, 1959

Илья СЕЛЬВИНСКИЙ

Илья Львович Сельвинский родился в 1899 году в семье крымского меховщика. Учился в евпаторийской гимназии, затем на юридическом отделении I Московского университета. Был юнгой, актером, натуралистом, репортером, грузчиком, инструктором плавания, борцом, рабочим на консервной фабрике и на элеваторе, наконец, уполномоченным по заготовке пушнины

В 1933—1934 годах, как корреспондент «Правды», участвовал в арктическом походе ледокола «Челюскин» (экспедиция О. Ю. Шмидта). Член КПСС с 1941 года. Награжден орденом Отечественной войны I степени, двумя орденами Трудового Красного Знамени, орденом Красной Звезды, медалями «За оборону Москвы», «За оборону Кавказа» и другими.

Илье Сельвинскому принадлежат лирические сборники: «Рекорды» (1926), «Тихоокеанские стихи» (1933), «Крым — Кавказ — Кубань» (1946) и другие; поэмы и романы в стихах: «Ульялевицна» (1927), «Рысь» (1928), «Записки поэта» (1928), «Пушторг» (1929), «Электрозаводская газета» (1932), «Арктика» (1957); драматические поэмы и трагедии: «Командарм 2» (1929), «Пао-Пао» (1932), «Умка — Белый медведь» (1935), «Рыцарь Иоанн» (1939), «Орла на плече носящий» (1941), «Читая Фауста» (1952), трилогия «Россия» («Ливонская война», «Царь да бунтарь», «Большой Кирилл» — 1956). Двухтомник избранных произведений издан Гослитиздатом в 1956 году.

РОССИИ

Взлетел расщепленный вагон,
Гроза и беженцы босые,
И снова по уши в огонь
Вплываем мы с тобой, Россия!
Опять судьба из боя в бой
Дымком затянется, как тайна,
Но в час большого испытанья
Мне крикнуть хочется: «Я твой!»,

Я твой. Я вижу сны твои,
Я жизнью за тебя в ответе.
Твоя волна в моей крови,
В моей груди не твой ли ветер?
Гордясь тобой или скорбя,
Полуседой, но с чувством ранним
Люблю тебя, люблю тебя
Всем пламенем и всем дыханьем!

Люблю, Россия, твой пейзаж —
Твои курганы печенежьи,
Станухи белых побережий,
Оранжевый на синем пляж,
Кровавый мех лесной зари,
Олений бой, тюленьи игры,
И в кедраче над Уссури
Шаманскую личину тигра,

Люблю, Россия, птиц твоих:
Военный строй в гусином стане,
Под небом сокола стоянье
В размахе крыльев боевых,
И писк луны среди жнивья
В очарованье лунной ночи,

И на невероятной ноте
Самоубийство соловья¹,

Ну, а красавицы твои?
А женщины твои, Россия?
Какая песня в них взрастила
Самозабвение любви?
О, их любовь не полубыт,
Всегда — событие! Вечно — мѣта!
Россия... За одно за это
Тебя нельзя не полюбить.

Люблю стихию наших масс —
Крестьянство с философской хваткой,
Станину нашего порядка —
Передовой рабочий класс
И выношенную в бою
Интеллигенцию мою —
Все общество, где мир впервые
Решил вопросы вековые.

Люблю великий наш простор,
Что отражен не только в поле,
Но в революционной воле
Себя по-русски распростер:
От декабриста в эполетах
До коммуниста Октября
Россия значилась в поэтах,
Планету заново творя.

И стал вождем огромный край
От Колымы и до Непрядвы.
Так пусть галдит над нами грай,
Черня привычною неправдой,
Но мы мостим прямую гать
Через всемирную трясину,
И ныне воспринять Россию —
Не человечество ль принять?

Какие ж трусы и вралѣ
О нашей гибели судачат?
Убить Россию — это значит
Отнять надежду у Земли!

¹ У соловьев во время пения иногда разрывается сердце.

В удушие денежного века,
Где низость смотрит свысока,
Мы окрыляем человека,
Открыв грядущие века,

1942.

ПОЭЗИЯ

Поэзия! Не шутки ради
Над рифмой бьешься взаперти,
Как это делают в шараде,
Чтоб только время провести.

Поэзия! Не ради славы,
Чью верность трудно уберечь,
Ты утверждаешь величаво
Свою взволнованную речь.

Зачем же нужно так и этак
В строке переставлять слова?
Ведь не затем, чтоб напоследок
Чуть-чуть кружилась голова?

Нет! Горизонты не такие
В глубинах слова я постиг:
Свободы грозная стихия
Из муки выплеснула стих!

Вот почему он жил в народе,
И он вовеки не умрет
До той поры, пока в природе
Людской не прекратится род.

Бывают строфы из жемчужин,
Но их недолго мы храним:
Тогда лишь стих народу нужен,
Когда и дышит вместе с ним!

Он шел с толпой на баррикады,
Его ссылали как борца.
Он звал рабочие бригады
На штурмы Зимнего дворца,

И вновь над ним шумят знамена,
И, вырастая под огнем,
Он окликает поименно
Бойцов, тоскующих о нем,

Поэзия! Ты служба крови!
Так перелей себя в других
Во имя жизни и здоровья
Твоих сограждан дорогих.

Пускай им грезится победа
В пылу труда, в дыму войны.
И ходит

в жилах

мощь

поэта,

Неся дыхание волны,

1941.

СЕВАСТОПОЛЬ

К. Зелинскому

Я в этом городе сидел в тюрьме.
Мой каземат — четыре на три. Все же
Мне было слышно сквозь решетку море,
И я был весел.

Ежедневно в полдень
Над городом салютовала пушка.
Я с самого утра, едва проснувшись,
Уже готовился к ее удару
И так был рад, как будто мне дарили
Басовые часы,

Когда начальник,
Не столько врангелевский, сколько царский
Пехотный подполковник Иванов
Решил меня побаловать книжонкой,
И мне, влюбленному в туманы Блока,

Одна такая шла ко мне навстречу...
То есть не то, чтобы ко мне, но шла.

Как бьется сердце... Вот она проходит,
Нет, этого нельзя и допустить,
Чтобы она исчезла!..

— Виноват! —

Она остановилась:

— Да?

Глядит.

Скорей бы что-нибудь придумать.

Ждет.

Ах, черт возьми! Но что же ей сказать?
— Я... Видите ли... Я... Вы извините...

И тут она взглянула на меня
С каким-то очень теплым выраженьем
И, сунув руку в розовый кармашек
На белом поле (это было модно),
Протягивает мне «керенку». Вот как?!
Она меня за нищего... Хорош!
Я побежал за ней:

— Остановитесь!

Ей-богу, я не это... Как вы смели?
Возьмите, умоляю вас — возьмите!
Вы просто мне понравились, и я...

И вдруг я зарыдал. Я сразу понял,
Что все мое тюремное веселье
Пыталось удержать мой ужас. Ах!
Зачем я это делал? Много легче
Отдаться чувству. Пушечный салют...
И эта книга... Книга телефонов.

А девушка берет меня за локоть
И, наступая на зевак, уводит
Куда-то в подворотню. Две руки
Легли на мои плечи.

— Что вы, милый!

Я не хотела вас обидеть, милый.
Ну, перестаньте, милый, перестаньте!..

Она шептала и дышала часто,
Должно быть, опьяняясь полумраком,
И самым шепотом, и самым словом,

Таким обворожительным, прелестным,
Чарующим, которое, быть может,
Ей говорить еще не приходилось,
Сладчайшим соловьиным словом: «Милый!»

Я в этом городе сидел в тюрьме.
Мне было девятнадцать.

А сегодня
По черным трупам я шагаю снова
Дорогой Балаклава — Севастополь,
Где наша кавдивизия прошла.

На этом пустыре была тюрьма.
Так. От нее направо. Я иду
К нагорной улочке, как будто кто-то
Приказывает мне идти, Зачем?

Развалины... Воронки... Пепелища...
И вдруг среди пожарища седого
Какие-то железные ворота,
Ведущие в пустоты синевы.
Я сразу их узнал: да, да! Они!

И тут я почему-то оглянулся,
Как это иногда бывает с нами,
Когда мы ощущаем чей-то взгляд:
Через дорогу, в комнатке, проросшей
Сиренью, лопухами и пыреем,
В оконной раме, выброшенной взрывом,
Все тот же домовитый, головастый,
Столетний ворон с синими глазами.

Ах, что такое лирика? Для мира
Непобедимый город Севастополь —
История. Музейное хозяйство.
Энциклопедия имен и дат.
Но для меня... Для сердца моего...
Для всей моей судьбы... Нет, я не мог бы
Спокойно жить, когда бы этот город
Остался у врага.

Нигде на свете
Я не увижу улочки вот этой
С ее уклоном от небес к воде,
От голубого к синему, кривой,
Подвыпившей какой-то, колченогой,

Где я рыдал когда-то, упиваясь
Неудержимым шепотом любви...
Вот этой улички!

И тут я понял,
Что лирика и Родина — одно,
Что Родина — ведь это тоже книга,
Которую мы пишем для себя
Волшебным перышком воспоминаний,
Вычеркивая прозу и длинноты
И оставляя солнце и любовь.

Ты помнишь, ворон, девушку мою?
Как я сейчас хотел бы разрыдаться!
Но это больше невозможно. Стар,

1944.

ПЕСНЯ КАЗАЧКИ

Н. Асееву

Над рекой-красавицей птица не воркует —
Голос пулемета заменил дрозда.
Там моя заботушка, сокол мой воюет,
На папахе алая звезда.

Я ли того сокола сердцем не кормила?
Я ли не писала кровью до зари?
У него, у милого, от его да милой
Письмами набиты газыри,

Письма не спасение. Но бывает слово —
Душу озаряет веселей огня.
Если там хоть весточки ожидают снова,
Это значит — помнят и меня.

Это значит — летом ли, зимней ли порошей
Постучит в оконце звонкое ружье.
Золотой-серебряный, друг ты мой хороший,
Горюшко военное мое!

Над моей бессонницей пролетают ночи.
Как закрою веки, вижу своего.
У него, у милого, каренькие очи...
Не любите, девушки, его!

1943.

ПЕЙЗАЖ

Белая-белая хата,
Синий, как море, день.
Из каски клюют цыплята
Какую-то дребедень,

Вполне знакомая каска:
Свастика и рога...
Хозяин кричит: «Параска,
Старая ты карга!»

Параске четыре года.
Она к цыплятам спешит,
Хозяин
 сел
 на колоду.
На каску хозяин глядит,

«Видали? Досталась курам!»
Он был еще молод, но сед.
«Закурим, что ли?»
 «Закурим»,
Спички, Янтарь. Кисет,

И вот задумались двое
В голубоватом дыму.
Он воевал под Москвою,
Я воевал в Крыму,

1945.

О РОДИНЕ

За что я родину люблю?
За то ли, что шумят дубы?
Иль потому, что в ней ловлю
Черты и собственной судьбы?

Иль попросту, что родился
По эту сторону реки —
И в этой правде тайна вся,
Всем рассуждениям вопреки,

И, значит, только оттого
Забыть навеки не смогу
Летучий снег под рождество
И стаю галок на снегу?

Но если был бы я рожден
Не у реки, а за рекой,
Ужель душою пригвожден
Я был бы к родине другой?

Ну, нет! Родись я даже там,
Где пальмы дальние растут,
Не по судьбе, так по мечтам
Я жил бы здесь! Я был бы тут!

Не потому, что здесь поля
Пшеницей кланяются мне,
Не потому, что конопля
Вкруг дуба ходит в полусне,

А потому, что только здесь
Для всех племен, народов, рас,
Для всех измученных сердец
Большая правда родилась.

И что бы в мире ни стряслось,
Я знаю: вот она, страна,
Которую за дымкой слез
Искала в песнях старина.

Твой путь, республика, тяжел,
Но я гляжу в твои глаза:
Какое счастье, что нашел
Тебя я там, где родился!

1947.

ТРУД

Есть в труде такое же величье,
Как в больших сраженьях на войне:
Та же карта — обозримость птичья,
Где масштабы с фронтом наравне,
Тот же план, и в этом четком плане
Те же штурмы, где за брата брат,
Стяга боевое полыханье,
Воля наступающих бригад.

Есть в труде такое же волненье,
Как и в сотворении стиха:
Здесь иное чудное мгновенье
До слезы проймет из пустяка,
И глядит сталелитейный лирик,
Не узнать знакомого лица...
Это унесла его на крыльях
Муза вдохновенного литья.

Есть в труде такое же познание,
Как в академических томах:
По былинке, по ее качанью
Пахари пророчат о громах,
Рыбаку не водная ль утроба
Лунные повадки выдает?
Любопытство — древняя учеба —
Все науки двигает вперед.

Но ведь воля, чувство и мышление,
Друг для друга действовать спеша,
Создают то самое явленье,
Что звалось по-старому душа.
Значит, если мыслить без рутины,
Ясно, что душа и труд едины.

А отсюда очень важный вывод!
Труд — основа нравственности всей.
Труженик душою не фальшивит,
Спекулянт же — вечно фарисей,
Фарисею идеал не нужен:
Бог ли, черт ли — он и там и тут.
Значит, нетрудящийся бездушен,
Значит, и бездушные не труд.

И затем еще одно, пожалуй,
Хочется сказать мне иногда:
Красота берет свое начало
В одухотворенности труда.
Все, на что я, мастер, посмотрю,
Приобщается великой тайне:
В мире все, чего коснется труд,
Обретает душу и дыханье,

Видишь мрамор? Это просто кальций,
Химия. Породистый кристалл.
Но коснулись этой глыбы пальцы —
И Венерой вышла красота.
Так во всем и всюду. Пусть природа
Часто безупречно хороша,
Но волнует глубже труд народа,
Потому что труд и есть душа,

Как ни скорбно ивы нынче пели
Под плаксивый дождика мотив,
Но рыдание виолончели
Трогательней всех плакучих ив:
Все слилось вот в этой струнной гамме,
И недаром, выходя из нот,
Дерево с плакучими ветвями
На концерте под дождем поет,

Кстати, ивушку задевши краем,
Я скажу при всей любви моей:
Мы ведь сами иву наделяем
Женственностью наших матерей,
Мы ведь сами заставляем плакать
Равнодушный дождик иногда,
А без нас ведь это только слякоть,
Просту холодная вода,

Отчего, когда глядим на волны,
Видим вечность и судьбу людей?
Отчего, почуя ветер вольный,
Чувствуем мы свежесть наших дней?
Отчего пургу зовем «седою»,
«Шепот» слышим там, где камыши?

Оттого, что втайне красотою
Мы зовем полет своей души.
Что способно вызвать это чувство,
То красиво, В этом суть искусства.

Но ведь чувство зреет век от века,
Красота с развитием заодно,
Где предел полету человека,
Вырастать которому дано?
Кандалов распиливая звенья,
Покоряя за верстой версту,
Мощные народные движенья
Всюду открывают красоту.
Даже то, что не было красиво,
Вдруг в большой, неповторимый час,
Грянув о сердца, как об огнива,
Полымем охватывает нас.

Если есть на свете божество,—
Это труд и чудеса его.
Древле сделав зверя человеком,
Все мечтанья обостряя в мысль,
Труд ведет историю по векам
Поступью железной в коммунизм,
И под грохот поступи железной,
Ощущая труд, как волшебство,
Вырастает пламенный и честный
Век — душа народа моего,

1946.

ШУМЫ

Кто не знает музыки степей?
Это ветер позвонит бурьяном,
Это заскрежещет скарабей,
Перепел пройдет с барабаном,
Это змейка вьется и скользит,
Шебаршит полевка-экономка,
Где-то суслик суслику свистит,
Где-то лебедь умирает громко,

Что же вдруг над степью понеслось?
Будто бы шуршанье, но резины,
Будто скрежет, но цепных колес,
Свист, но бригадирский, не крысиный —
Страшное, нежданное тут:
На глубинку чудища идут,

Все живое замерло в степи...
Утка, сядь! Лисица, не ступи!
Но махины с яркими глазами
Выстроились и погасли сами.
И тогда-то с воем зимних вьюг
Что-то затрещало, зашипело,
Шум заметно вырастает в звук:
Репродуктор объявил Шопена.

Кто дыханием нежнейшей бури
Мир степной мгновенно покорил?
Словно плеском лебединых крыл
Руки плещут по клавиатуре!
Нет, не лебедь, — этого плесканья
Не добьется и листва платанья,
Даже ветру не произвести
Этой дрожи, сладостной до боли,
Этого безмолвия почти,
Тишины из трепета бемолей.

Я стою среди глухих долин,
Маленький — и все же исполин.

Были шумы. Те же год от года.
В этот мир вонзился мир иной:
Не громами сбита природа —
Человеком созданная, Мной,

*Берликский совхоз,
Кокчетавской области.*

1954.

ПЕРВЫЙ ПЛАСТ

Еще не расцвел над степью восток,
Но не дожидаться утра —
И рупор сказал, скрывая восторг:
«Внимание, трактора!»

Громák переходит лужу вброд,
Оттер от грязи каблук,
Сел. Сейчас он двинет вперед
«С-80» и плуг.

У этого плуга пять корпусов,
По сталям сизый ручей.
Сейчас в ответ на новый зов
Пять упадут секачей.

Уже мотор на мягких гromaх,
Сигнала ждут топоры...
Так отчего же, товарищ Громák,
Задумался ты до поры?

Степь нахохлила каждую пядь,
Но плуг-то за пятерых!
Ее, бескрайнюю, распахать,
Как новый открыть материк;

Она покроет любой недород,
Зерно пудовое даст.
Громák! Тебе поручает народ
Первый
поднять
пласт.

Какая награда за прежний труд!
Но глубже, чем торжество,
Чует Громák: история тут...
И я понимаю его.

«Пошел!»
Отливая, как серебро,
Трактор грянул серьгой.
Первый пласт поднялся на ребро,
За ним повалился другой.

И залоснился в жире своем,
Свиному салу сродни,
Фиолетовый чернозем,
Перегной одни.

Первая... Первая борозда!
Но что
одной
за цена?
Этой ли тоненькой обуздать
Такое, как целина?

Желтеет степь и рыжее дол —
Они
во весь
кругозор!

А трактор ниточку повел,
Стремясь доползти до зорь,

Вокруг огромный горизонт,
Нахмуренный, злой...
А трактор медленно грызет
По нитке шар земной.

Но ниточка уж так строга
И в дымке так тепла,
Как гениальная строка,
Что эпос началá.

МТС

Кокчетавской области.

1954.

НОЧНАЯ ПАХОТА

В темном поле ходят маяки
Золотые, яркие такие,
В ходе соблюдая мастерски
Планировок линии тугие.

Те вон исчезают, но опять
Возникают и роятся вроде,

А ближайшие на развороте
Дико скосоглазятся — и вспять!

И плывут, взмывая над бугром,
Тропкою, намеченною строго;
И несется тихомирный гром,
Мощное потрескиванье, стрекот,

Словно тут средь беркутов и лис —
Всех созвездий трепетней и чище —
Этой ночью бурно завелись
Непомерной силы светлячища...

На сухмень, на допотопный век,
Высветляя линии тугие,
Налетела добрая стихия,
И стихия эта — Человек.

Кзыл-Ту,

1954,

БЕЛЫЙ ПЕСЕЦ

Мы начинаем с тобой стареть,
Спутница дорогая моя...
В зеркало вглядываешься острей,
Боль от самой себя затая.

Ты еще ходишь-плывешь по земле
В облаке женственного тепла,
Но уж в улыбке, что света милей,
Лишняя черточка залегла.

Но ведь и эти морщинки твои
Очень тебе, дорогая, к лицу.
Нет, не расплющить нашей любви
Даже и времени колесу!

Меж задушевных имен и лиц
Ты, как червонец в куче пезет,
Как среди меха цветных лисиц,
Свежий как снег, белый песец.

Если захочешь меня проклясть,
Буду унйженной всех людей,
Если ослепнет влюбленный глаз,
Воспоминаньями буду глядеть.

Сколько отмучено мук с тобой!
Сколько иссмеяно смеха вдвоем!
Как мы, не взысканные судьбой,
В дальние дали друг друга зовем...

Радуйся ж каждому новому дню!
Пусть оплетает лукавая сеть,—
В берлоге души тебя сохраню,
Мой драгоценный, мой Белый Песец.

1932.

ОХОТА НА ТИГРА

1

В рыжем лесу звериный рев:
Олень окликает коров,
Другой с коронованной головой
Отзывается воем на вой —
И вот сквозь кусты и через ручьи
На поединок летят рогачи.

2

Важенка робко стоит бочком
За венценосным быком.
Его плечи и грудь покрывает грязь,
Измазав чалый окрас,
И он, оскорбляя соперника басом,
Дует в ноздри и водит глазом.

3

И тот выходит, огромный, как лось,
Шею вдвое напруживая.
До третьих сучьев поразрослось
Каменное оружие.

Он грезит о ней,
 о единственной,
 то й!
Глаза залиты кровавой мечтой,

4

В такие дни, не чуя ног,
 Иди в росе по колени,
В такие дни бери «манок»,
 Таящий голос оленя,
И лад
 его
 добросовестно зѹбря,
Воинственной песнью мани изюбря.

5

Так и было. Костром начадив,
 Засели в кустарнике на́ ночь
Охотник из гольдов, я и начдив,
 Некто Игорь Иванович.
Мы слушали тьму. Но забрезжил рассвет,
А почему-то изюбрей нет.

6

Охотник дунул. (Эс.¹). Тишина.
 Дунул еще. Тишина.
Без отзыва по лесам неслась
 Искусственная страсть.
Что ж он оглох, этот каверзный лес-то?
Думали: уж не менять ли место?

7

И вдруг вдалеке отозвался рев.
 (В уши ударила кровь...)
Мы снова — он ближе. Он там. Он тут —
 Прямо на наш редут.
Нет сомненья: на дудошный зык
Шел великолепный бык.

¹ Эс — означает паузу и произносится про себя.

Небо уже голубело всюю.
 Было светло в лесу.
 Трубя по тропам звериных аллей.
 Сейчас
 на нас
 налетит
 олень...
 Сидим не дышим. На изготовке
 Три винтовки,

И вдруг меж корней в травяном горизонтце
 Вспыхнула призраком вихря
 Золотая. Закатная. Усатая, как солнце,
 Жаркая морда тигра!
 Полный балдеж во блаженном усьени —
 Даже... выстрелить не успели,

10—11

Олени для нас потускнели вмиг.
 Мы шли по следам напрямик,
 Пройдя километр, осели в кустах,
 Час оставались так.
 Когда же тишком уползали в ров,
 Снова слышим излюбленный рев,
 И мы увидали нашего тигра!
 В оранжевый за лето выгоря,
 Расписанный чернью, по золоту сед,
 Драконом, покинувшим храм,
 Хребтом повторяя горный хребет,
 Спускался он по горам,

12

Порой остановится, взглянет грустно,
 Раздраженно дернет хвостом,
 И снова его невесомая грузность
 Двигается сопками в небе пустом.
 Рябясь от ветра, ленивый, как знамя,
 Он медленно шел на сближение с нами,

Это ему от жителей мирных
 Красные тряпочки меж ветвей,
 Это его в буддийских кумирнях
 Славят, как бога: Шан-
 Жен-
 Мет-
 Вэй! ¹.

Это он, по преданью, огнем дымящий,
 Был полководцем китайских династий.

Громкие галки над ним летали,
 Как черные ноты рычання его.
 Он был пожилым, но не стар летами —
 Ужель ему падать уже на стервь?
 Увы, все живое швыряет в запуск
 Пороховой тигриный запах.

Он шел по склону военным шагом,
 Все плечо выдвигая вперед;
 Он шел, высматривая по оврагам,
 Где какой олений народ,
 И в голубые струны усов
 Ловко цедил... изюбревый зов.

Милый! Умница! Он был охотник:
 Он применял, как и мы, «манок».
 Рогатые дурни в десятках и сотнях
 Летели скрестить клинок о клинок,
 А он, подвывая с картавостью слабой,
 Целился пятизарядной лапой.

¹ Шан-Жен-Мет-Вэй — Истинный Дух Гор и Лесов — так китайцы называют тигра.

Как ему, бедному, было тяжело!
 Как он, должно быть, страдал, рыча:
 Иметь. Во рту. Призыв. Рогача —
 И не иметь в клыках его ляжки!
 Пожалуй, издавши изюбренный зык,
 Он первое время хватал свой язык.

Так, вероятно, китайский монах,
 Косу свою лаская, как девичью,
 Стонет...
 Но гольд вынимает «манок».
 Теперь он суровей, чем давеча.
 Гольд выдувает возглас сленя,
 Тигр глянул — и нет умиленья,

С минуту насквозь прожигали меня
 Два золотых огня..
 Но вскинул винтовку товарищ Игорь,
 Вот уже мушка села под глаз,
 Ахнуло эхо! Секунда — и тигр
 Нехотя повалился в грязь.

Но миг — и он снова пред нами, как миф,
 Раскатом нас огромив,
 И вслед за октавой глубокой, как Гендель,
 Харкнув на нас горячо,
 Он ушел в туман. Величавой легендой.
 С красной лентой. Через плечо.

Владивосток

1932.

* * *

Ты не от женщины родилась:
Бор породил тебя по весне,
Вешнего неба русская вязь,
Озеро, тающее в светизне.

Не оттого ли твою красу
Хочется слушать опять и опять,
Каждому шелесту душу отдать
И заблудиться в твоём лесу...

1957.

* * *

В косы вплетены лучи,
Руки нежные, как ручьи...
Рыба в аквариуме всплывет,
Видя в воде отраженье твое;
В клетке чирик вдруг запоет,
Услыхав

 приближенье твое;
Быть может, и мне пригрезятся сны
В страшном моем замороженном сне:
Ведь ты даже в шубке — примета весны
Рыбам, птицам и седине.

1958.

* * *

Я слоняюсь в радости недужной,
Счастье ты мое, моя тоска...
Ничего мне от тебя не нужно:
 Ни дыхания, ни шепотка,
 Ни твоих ладошек полудетских,
 Из которых пил бы я тепло,
Ни полупоклонов Ваших дерзких,
 Будто мне подаренных назло.

Не голубка — ты скорее сокол,
И тебя стрелою не добыть.
Но ведь оттого, что ты высоко,
Женщиной не перестала быть,—

И мое далекое страданье
Стиснутое, сжатое толпой,
Розой
 окровавленной
 в стакане
Будет полыхать перед тобой.

1958.

* * *

Ты гордая, как все, что расцвело!
Ты среди нас, но ты от нас далёко.
Тебя ничто со мною не свело,
Твоя дорога —
 не моя дорога.

Душа твоя летит
 на чьи-то голоса,
Но отчего отдаться им не может?
Тебя преследуют мои глаза,
Моя тоска тебя тревожит,
И ты, причесываясь перед сном,
Со шпилькою в зубах скрежещешь:
 «Надоело!

Зачем я думаю о нем?
Какое до него мне дело?»
О, этого ты не прощаешь мне!
Ты вся возмущена недоуменно.
Ты днем недосягаемо надменна,
Но я дышу с тобой
 в твоём горячем сне.

1958.

* * *

Разве может любовь обижать?
Разве я повредил Вашей гордости?
Я хотел тебя обожать,
Монументом воздвигнуть в городе,

Чтобы стало всем хорошо,
Как бывает народу от радуги,
Чтобы каждый унес ворошок
Упоенности, нежности, радости;

Чтоб по улицам плыл уют
От твоей улыбки мечтательной;
Чтобы знали улыбку твою,
Как московскую примечательность;

Чтобы май, в огнях синевы
Прилетев среди снега талого,
От тебя,
 Улыбка Москвы,
Ожидал бы: «Добро пожаловать!»

Но ты тупо спряталась в быт.
Нет, тебе не взрасти до статуи:
Для того, чтобы женщиной быть,
 Юбочки недостаточно,

1958.

* * *

Деревянная кукушка
Отсчитала пять часов.
Вдруг подружка на опушке
Откликается на зов.

Но часы, уснув на даче,
Не тревожились нимало.
А живая, чуть не плача,
Куковала, куковала...

1958.

ЗАКЛИНАНИЕ

Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня!
Если вспрыгнет на плечи беда,
Не какая-нибудь, а вот именно
Вековая беда-борода —
Позови меня, позови меня,
Не стыдись ни себя, ни меня,
Просто горе на радость выменяй,
Растопи свой страх у огня.
Позови меня, позови меня,
Позови меня, позови меня!
А не смеешь шепнуть письму,
Назови меня хоть по имени —
Я дыханьем тебя обойму!
Позови меня, позови меня!
Позови меня...

1959.

СОНЕТ

Я испытал и славу и бесславье,
Я пережил и войны и любовь;
Со мной играли в кости югославы,
Мне песни пел чукотский зверолов;

Я слышал тигра дымные октавы,
Предсмертный вой эсэсовских горилл;
С Петром Великим был я под Полтавой,
А с Фаустом о жизни говорил.

Мне кажется, что я живу на свете
Давнее давнего. Тысячелетье.
Я видел все. Чего еще мне ждать?

Но, глядя в даль с ее миражем сизым,
Как высшую хочу я благодать —
Одним глазком взглянуть на коммунизм...

1958.

ПРОЛОГ

К драматическому эпосу «Россия»

Россия! Родина моя, Россия!
Я с каждым днем люблю тебя сильнее.
Любая неказистая осина,
Звнящая среди болотных пней,
Ветла какая-нибудь у дороги,
Да и сама дорога впереди
Мне так близки, что только сердце вздрогнет
И разольется нежностью в груди.

Но ведь любить гнездо свое до дрожи
Дано и птице у родимых стрех.
Нет! Есть в России то, что родины дороже,
Что делает ее святынею для всех.
Сторонка всякая по-своему красива,
А дедов край везде и всюду мил...
Мы не страну в тебе боготворим, Россия,
Ты больше, чем страна:

ты — мир!

В тебе судьба всего земного шара,
Твоя дорога, словно Млечный Путь,
Прислушаться

к гулу

твоего шага —

Будто в Грядущее заглянуть.
Есть ли на свете подвиг прекрасней,
Чем тот, который задуман тобой?
Мир без голода, гнета и казней
Виденьем Грядущего всплыл над толпой.
Сметая гнездышки да мирки,
К мечте потянулись материки.
И вскоре с низин нарастающий рокот
Громами пройдет по кодексам прав!
Страдания ошибаться не могут:

Народ

всегда

прав.

И вот когда от Чон-Чу до Алжира,
От Заполярья до южных широт
Где-то в столетьях народы мира
Сольются в один всемирный народ,

Когда разноречья араба и чеха
Срастутся в единый язык Человека
И только к пейзажу

великий итог
Сведет проблему «Запад — Восток»,
Тогда-то будущие поколения
Спросят, подняв летописный груз:
Что ж это было за дивное племя —
Русь?

Татарщина, боярщина, крепостное право,
Горб недоимок, падеж, недород...
Но как ухитрился в сермяжке дырявой
Душу сберечь этот странный народ?
Совести как сохранил постоянство,
Хоть одолели тюрьма да сума?
С горя впадая в дремучее пьянство,
Как он в туманах не пропил ума?
Как он, поникнув лихой головою,
Тише воды и ниже травы,
Вдруг

свою долю
метал

трын-травую,
В грозный час не щадя головы?
Как он на смену бунтам этим ярым
Выпростал знамя из ленинских книг
И белорусам, зырянам, татарам
Песню вернул и надежду воздвиг?
В чем же загадка? Что тут за тайна?
Не отупеть от пудовых оков,
Но,

одолевши
ужас
отчаянья,

Дать
породу
большевиков
И выйти с ней на большие просторы,
Из подземелий рвануться наверх,
Чтобы безглазым законам истории
Зрячьсть

привить
навек!

Как разрешит потомство эту тайну,
Сказать сегодня не берусь,
Но знаю: в парках будущего встанет
Среди цветов

эмблема счастья:

Русь!

Так будет. Будет! Зябнущим согреться!
Забитым встать! Запуганным вздохнуть!
На площадь

всепланетного

конгресса

Ведет народы большевистский путь.
Вот потому-то русская дорога
Для всех племен особо дорога:
Не клячу быта им впрягать бы в дроги,
А рыжий буйногровый ураган!
Вот потому-то каждая осина,
Ветла любая машет им, как друг,
И оттого

при имени

Россия

Мне слезы перехватывают дух.

1956,

СОДЕРЖАНИЕ

России	3
Поэзия	5
Севастополь	6
Песня казачки	10
Пейзаж	11
О родине	12
Труд	13
Шумы	15
Первый пласт	17
Ночная пахота	18
Белый песок	19
Охота на тигра	20
«Ты не от женщины родилась...»	25
«В косы вплетены лучи...»	25
«Я слоняюсь в радости недужной...»	25
«Ты — гордая, как все, что расцвело. »	26
«Разве может любовь обижать...»	27
«Деревянная кукушка...»	27
Заклинание	28
Сонет : ?	28
Пролог	29

Илья Львович Сельвинский
ЛИРИКА

Редактор — П. КРАВЧЕНКО.

А 01030. Подп. к печати 21/XI 1959 г. Тираж 150 000. Изд. № 1719.

Заказ № 2372. Формат бумаги 70×108¹/₃₂. 0,5 бум. л.—1,37 печ. л.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.
Москва, ул. «Правды», 24.